

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. М. Шамиладзе

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КЛАССИФИКАЦИИ И ТЕРМИНОЛОГИИ СКОТОВОДСТВА КАВКАЗА

Вопросы определения типов и форм скотоводческого хозяйства и уточнения соответствующей терминологии в последние годы привлекают особое внимание ученых — этнографов, историков, археологов. Это вызвано как расширением межотраслевой интеграции, разработкой комплексной тематики историко-этнографических атласов и других региональных трудов¹, так и необходимостью координированных международных исследований по наиболее актуальным этнографическим проблемам, в том числе и затронутым в настоящей статье². Исходя из этих задач, статья Г. Е. Маркова³ стимулирует общие усилия ученых в направлении дальнейшего совершенствования дефиниций скотоводства и кочевничества и соответствующей терминологии. Для нас эта статья интересна и тем, что в ней наряду с работами других авторов Г. Е. Марков критически рассматривает предложенную в нашей монографии⁴ классификацию скотоводства Грузии и Кавказа и терминологию.

Откликаясь на статью Г. Е. Маркова, мы выскажем некоторые соображения и по поводу рецензии Б. Х. Кармышевой на нашу монографию, тем более, что ее замечания касаются преимущественно также вопросов классификации и терминологии⁵.

Нам представляется, что при разработке основных понятий и терминов скотоводческого хозяйства надо быть очень осторожными в использовании таких общих категорий, как «тип», «форма», «вид» и т. п. Прежде всего необходимо уяснить соотношение таксономических уровней типа и формы хозяйства. Г. Е. Марков считает, что «в целом скотоводство можно рассматривать как форму хозяйства. Но соответственно с тем, является скотоводство основой или только одним из важнейших признаков хозяйственно-культурного типа, а также в зависимости от способов ведения хозяйства и социальной структуры того или

¹ См.: Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 81—98, 152—176 и др. Основные результаты проведенных в этом направлении региональных исследований см. в работах: Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1967, т. 1; 1970, т. 2; Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв. Материалы к «Кавказскому историко-этнографическому атласу», в. 1. М.: Наука, 1971; Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1974; Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики. М.: Наука, 1975; Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1977; Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука, 1978; Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981, и др.

² О необходимости проведения таких исследований скотоводческого хозяйства и кочевничества писали еще К. Добровольский (см.: *Dobrowolski K. Pastoral Culture of the Carpathians and the Balkans as a Subject for International Scientific Cooperation.*— *Carpatica*. Bratislava, 1960, 1, s. 48—56) и Л. Фельден (см. *Földes L. Vorwort.*— *Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Ethnografische Studien.* Budapest, 1969, s. 9—14).

³ Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология.— *Сов. этнография*, 1981, № 4, с. 83—94. Далее ссылки на эту статью даются в тексте.

⁴ Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Историко-этнографическое исследование. Тбилиси: Мецниереба, 1979.

⁵ Рецензия Б. Х. Кармышевой опубликована в настоящем номере журнала. Мы пользовались машинописным экземпляром ее, любезно предоставленным нам автором.

иного общества скотоводов», Г. Е. Марков подразделяет его на два основных типа (с. 84). И далее в рамках этих типов он выделяет виды и подвиды скотоводства.

Б. Х. Кармышева придерживается другого мнения о соотношении типа и формы скотоводства. Понятие «тип скотоводства», как утверждает она, означает таксономически более высокий уровень, чем «форма скотоводства», и уязвимость нашей классификации скотоводства Грузии и Кавказа в целом она усматривает в том, что, якобы, мы с Ю. И. Мкртумяном отказались от понятия «тип скотоводства».

Если принять во внимание, что тип может определяться или как «форма, вид чего-либо, обладающего особыми существенными качественными признаками», или как «высшая систематическая таксономическая категория»⁶, то при разработке классификации форм скотоводства и соответствующих дефиниций мы действительно должны руководствоваться более высоким, чем форма, понятием — «тип скотоводства»⁷. Сразу же заметим, что несмотря на отсутствие в нашей монографии специального суждения о типе скотоводства, это суждение постоянно присутствует в ней в виде общей характеристики кочевого и оседлого типов скотоводческого хозяйства.

О каких главных типах скотоводства можно говорить на данном этапе изученности обсуждаемой проблемы?

Г. Е. Марков выделяет два основных, принципиально различающихся между собой, типа скотоводческого хозяйства: «кочевое скотоводство», или «кочевничество» (в быту оно сохранилось в двух видах — собственно «кочевой» и «полукочевой») и так называемое «подвижное скотоводство» (с. 94). Под последним он понимает в несколько измененной форме выявленные нами на основе изучения хозяйственных комплексов Грузии и Кавказа основные виды и подвиды скотоводства⁸. По Г. Е. Маркову, «это вид „горного“ скотоводства с подвидами „отгонный“ и „внутриальпийский“; вид „трансюманс“ („трансгуманс“) с подвидами „восходящий“, „промежуточный“ и „нисходящий“; вид „кочевой“ („перегонный“) с подвидами „вертикально зональный“ и „полукочевой“ („отгонный“) и, наконец, вид „равнинного“ скотоводства с подвидами „экстенсивное шалашное хозяйство“ и „подсобное скотоводство“» (там же). Автор полагает, что в данной (т. е. нашей.— В. Ш.) классификации не хватает лишь одного широко известного в литературе вида подвижного скотоводства — «полуоседлого скотоводства», с внесением которого ее можно распространить и на другие области бытования подвижного скотоводства (там же).

Однако, наша классификация скотоводства приведена Г. Е. Марковым не совсем точно. Дело в том, что кочевничество, кочевое скотоводство на Кавказе было присуще только пришлому населению, и мы в своей монографии специально подчеркиваем это. Г. Е. Марков же, излагая нашу классификацию, вводит в комплекс подвижного скотоводства коренного населения Кавказа наравне с тремя основными видами скотоводства («горное», «перегонное» или «трансюманс», и «равнинное») четвертый — «кочевой». Иными словами, Г. Е. Марков рассматривает сохранившиеся в быту пришлого кочевого населения Кавказа комплексы кочевого скотоводства и кочевничества как формы скотоводческого хозяйства горцев Кавказа.

О кочевом скотоводстве и кочевничестве вообще на Кавказе мы скажем ниже. Здесь же отметим, что за время более чем двадцатилетней полевой работы в различных частях Кавказа, в том числе и в гор-

⁶ Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. М., 1956, т. 42, с. 448.

⁷ Если предложенную Г. Е. Марковым дефиницию «скотоводство... форма хозяйства» заменить дефиницией «скотоводство..., отрасль хозяйства», представляющейся нам более подходящей в данном случае, то понятие «тип скотоводства», видимо, определялось бы обоими авторами примерно на одинаковом таксономическом уровне.

⁸ Разработанная нами классификация сведена Б. Х. Кармышевой в таблицу (см. с. 167 настоящего номера журнала).

ной Грузии, нам не удалось зафиксировать у коренных жителей ничего подобного кочеванию и кочевому скотоводству. Правда, некоторые из выявленных у них комплексов (горное скотоводство и трансюманс) в прошлом отдельными исследователями (не нами, вопреки утверждению Г. Е. Маркова) действительно назывались примитивным кочевым скотоводством, но это должным образом оценивается в нашей работе⁹.

Б. Х. Кармышева находит нашу систематизацию хозяйственно-культурных комплексов Грузии и Кавказа, а также характеристику их структуры, в основном удачными. Однако критерии, взятые нами для разграничения форм скотоводства, вызывают у нее возражения. Она полагает, что в классификацию надо было ввести понятие «тип скотоводства» и выделить в качестве основных типов «оседлый», «кочевой» и «комплексный» с подтипами «полукочевой» и «полуоседлый». В таком случае Б. Х. Кармышева под термином «оседлое скотоводство» объединяет «горный», «равнинный» и «перегонный» подтипы.

Какие критерии предлагаются Г. Е. Марковым и Б. Х. Кармышевой при выделении «типа скотоводства» и как определяются ими указанные выше типы кочевого и подвижного (Г. Е. Марков) скотоводства?

Г. Е. Марков отмечает, что хозяйственную основу кочевничества образует экстенсивное пастбищное скотоводство, при котором разведение скота представляет главный вид занятий населения и доставляет основную часть средств существования (с. 84). При этом он с самого начала указывает, что понятие «кочевое скотоводство» предполагает не только хозяйственную, но и социальную характеристику общества (там же).

Мы в целом согласны с данным определением кочевого скотоводства, но дальнейшее перенесение в этой дефиниции главного акцента на специфические комплексы социально-экономических отношений, племенной общественной организации и политической структуры (с. 86) нам кажется нецелесообразным. Возникновение кочевничества несомненно было обусловлено в первую очередь необходимостью перехода к экстенсивным формам хозяйства, и это неоднократно подчеркивается Г. Е. Марковым. В процессе реализации этой хозяйственной необходимости сложились определенные социально-экономические отношения, а также надстроечные категории — соответствующие общественные и политические институты. Но эти отношения и институты, на наш взгляд, никак нельзя рассматривать в качестве основных факторов, определяющих сущность кочевничества.

Признание за такими институтами главной роли при характеристике кочевого скотоводства повлекло за собой и другие неточности в статье Г. Е. Маркова. Видимо, именно вследствие такого подхода к кочевничеству он вообще отрицает наличие в какой-либо форме кочевого скотоводства на Кавказе. Г. Е. Марков прав, что данная в нашей монографии весьма общая дефиниция кочевничества недостаточна, но у нас есть принципиальные возражения по поводу утверждения, будто бы описанные нами комплексы кочевого скотоводства надо рассматривать как разновидности горного кочевничества или же трансюманс и т. д. Из работ исследователей кавказского горного скотоводства вовсе не следует, как утверждает Г. Е. Марков, что «группы скотоводов, называемые „кочевниками“, не представляют собой самостоятельных этносоциальных организмов, этнических общностей, не образуют самостоятельных общественных и политических структур, а органически входят в общества земледельцев, хотя хозяйственно, вследствие условий разделения труда, несколько от них обособлены» (с. 93).

Необходимо подчеркнуть, что в нашей монографии мы касаемся не только сохранившихся в этнографической действительности комплексов кочевого скотоводства, но и исторических путей возникновения и развития кочевничества на Кавказе вообще, начиная с I тыс. до н. э. вплоть до позднефеодальной эпохи¹⁰. Нам кажется излишним говорить здесь о

⁹ Шамиладзе В. М. Указ. раб., с. 54—55.

¹⁰ Там же, с. 297—310.

бесконечных вторжениях многочисленных кочевых орд и об их закреплении на Кавказе в виде самостоятельных этносоциальных организмов, этнических общностей и политических единиц на протяжении длительных исторических эпох. Например, частично осевшие здесь в средневековые кочевые племена татаро-монголов и туркмен сохранили характерную для кочевников степей социальную и общественно-политическую организацию¹¹.

Трудно сказать, какие именно работы кавказоведов имеет в виду Г. Е. Марков, но утверждаем, что почти все исследователи кавказского скотоводства второй половины XIX — начала XX в.¹² подчеркивали характерные особенности племенной социальной и общественной организации местных кочевников, обусловленные их кочевым бытом и коренным образом отличавшие эту организацию от соответствующих институтов коренного населения. Правда, некоторые племена и племенные объединения кочевников Закавказья, в частности Грузии, первоначально входили в административную систему этой феодальной монархии, затем царской России, но их зависимость от властей и в первом, и во втором случаях носила весьма номинальный характер. Государственный административный аппарат в Грузии и царской России был вынужден в многочисленных проектах текущего законодательства учитывать черты хозяйственно-экономической, социальной и общественной организации кочевников¹³. Большинство этих проектов так и не было осуществлено именно из-за экстенсивного характера хозяйства кочевников¹⁴. И, наконец, несмотря на то, что в конце XIX в. кочевничество на Кавказе было представлено в сильно трансформированном виде, и кочевники проявляли явную тенденцию к оседанию, они нигде органически не входили в общества земледельцев, не сливались с оседлым коренным населением, сохраняя всегда полукочевые формы быта. Нами приводятся достаточно убедительные материалы о наличии острых противоречий между кочевыми и полукочевыми скотоводами и оседлым коренным населением, свидетельствующие о несовместимости их форм хозяйства в условиях Закавказья¹⁵.

Таким образом, как в историческом прошлом, так и в этнографически доступном нам периоде на Кавказе, в частности, в Закавказье, лицо сформировавшиеся и отчетливо выраженные формы кочевого скотоводства, хотя определенно трансформированные, но все же со специфическими признаками, характерными для классических форм кочевничества.

Отрицая взятые нами критерии классификации форм скотоводства Грузии и Кавказа, Б. Х. Кармышева в качестве основного критерия при выделении типа скотоводства выдвигает образ жизни. Из новейшей литературы она указывает на работы Н. Н. и И. А. Чебоксаровых,

¹¹ *Петрушевский И. П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949, с. 32—66 и сл.; *Джавахишвили И. А.* История грузинского народа. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1966, т. III, с. 324—340 (на груз. яз.); *Бердзенишвили Н. А.* Вопросы истории Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1973, т. VI, с. 100—107 (на груз. яз.).

¹² *Калантар А. А.* Задачи и способы исследований скотоводства.— Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Тифлис, 1887, т. I; *его же.* Состояние скотоводства на Кавказе.— Там же. Тифлис, 1890, т. II; *Вермишев Х. А.* О скотоводстве на Кавказе в связи с пастбищным вопросом.— Там же. т. I; *Андронников И. З.* Скотоводство в Закавказском крае.— Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1888, т. V, ч. 1; *Варавин П. С.* Летние и зимние пастбища Закавказского края.— Там же, т. V, ч. 2; *Бахтадзе И. Л.* Кочевники Закавказского края.— Там же, Тифлис, 1888, т. III, ч. 2, и др.

¹³ *Варавин П. С.* Указ. раб., с. 92—94; *Жордания Ф. Д.* Хроники и другие материалы по истории Грузии. Тифлис, 1897, т. I, с. 469—470 (на груз. яз.); Памятники грузинского права. 1. Распорядок царского двора. 2. Дагурламали/Под ред. Сургуладзе И. И. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1970, с. 553—578 (на груз. яз.).

¹⁴ *Гугушвили П. В.* Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX—XX вв. Тбилиси: Сахелгами, 1959, т. III, с. 475.

¹⁵ *Шамиладзе В. М.* Указ. раб., с. 203, 308—311.

Б. В. Андрианова и Я. В. Чеснова¹⁶, согласно которым ведущая форма хозяйственной деятельности в конкретных географических условиях в значительной степени определяла важнейшие параметры образа жизни. Опираясь на данные указанных авторов, Б. Х. Кармышева, как уже отмечалось, предлагает нам три типа скотоводства: «оседлый», «кочевой» и «комплексный» с подтипами «полуоседлый» и «полукочевой». Но при таком делении указанные типы скотоводства фактически сводятся к двум основным — кочевому и оседлому. Как справедливо отмечает Г. Е. Марков, между кочевым и полукочевым скотоводством (соответственно, и между оседлым и полуоседлым) «принципиальных различий нет», так как на их основе складываются одинаковые социально-экономические отношения, социальные и племенные структуры (с. 85). В таком случае в данной классификации мы будем иметь два главных традиционно известных типа скотоводческой культуры — «оседлое» и «кочевое» скотоводство с «полуоседлым» и «полукочевым» подтипами. И так, поскольку и у Б. Х. Кармышевой, и у Г. Е. Маркова в качестве критериев типологизации скотоводства выступают основные параметры образа жизни, можно считать, что классификация форм хозяйства проводится ими на одинаковом таксономическом уровне.

Принципиальных возражений против правомерности этой классификации у нас нет. Но пригодны ли такие общие и универсальные критерии для выделения и определения форм скотоводства, сложившихся в специфических экологических и культурно-исторических условиях? Думается, что нет. Выделение конкретных форм (видов, по Г. Е. Маркову) того или иного типа скотоводства, как мы уже отмечали, должно быть обусловлено характером общественного производства в рамках этой формы хозяйства, объединяющего в своем комплексе специфические средства производства (виды и породы скота, пастбища, покосы и т. д.) и те формы и институты (различные социальные объединения скотоводов, индивидуальные и коллективные формы организации труда и т. д.), которые складываются в процессе организационно-экономического ведения этой отрасли хозяйства в конкретной экологической среде¹⁷. В отличие от предложенного нам критерия «образ жизни», выделение и анализ форм хозяйства с учетом особенностей общественного производства позволяет определить не только статичные черты той или иной формы скотоводства, но и раскрыть сущность исторических процессов становления данной отрасли хозяйства на различных этапах ее развития.

Непригодность критерия «образ жизни» для классификации конкретных форм скотоводства проявляется, например, при определении оседлого типа скотоводства и некоторых его форм. Так, при горном отгонном скотоводстве образ жизни населения оседлый, тогда как скотоводство имеет относительно подвижный характер. Этот дефинирующий признак более отчетливо прослеживается на примере трансюманс, когда при оседлом образе жизни населения круглогодично функционирует подвижное скотоводство. В обоих этих случаях главными критериями для разграничения форм скотоводства выступают основные средства производства и возникшие на их основе социально-экономические и общественные отношения, которые не всегда и не целиком определяют образ жизни населения. Б. Х. Кармышева утверждает, что при выделении форм скотоводства Грузии мы не исходим из одних и тех же посылок, и поэтому в нашей классификации не все формы скотоводства

¹⁶ Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования.— Сов. этнография, 1972, № 2; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А., Чеснов Я. В. Введение. Основные принципы типологизации.— В кн.: Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М.: Наука, 1979.

¹⁷ О ведущем, определяющем значении способа производства пишут также Б. В. Андрианов и Н. Н. Чебоксаров: «Зависимость хозяйственно-культурных типов от экологических условий была всегда и всюду опосредствована способом производства и уровнем социально-экономического развития каждого народа». См.: Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Указ. раб., с. 9.

могут быть поставлены в один ряд. В одних случаях, по ее мнению, у нас критерием выступает географический признак, в частности, зональность (равнинная и горная формы), в других — способ выпаса и содержания скота (перегонная форма), в третьих — образ жизни (кочевая форма) и т. д.

Здесь, по-видимому, мы имеем дело с явным недоразумением. Никогда только географическая зональность или только способ выпаса, либо общие параметры образа жизни, не были для нас единственным критерием при классификации форм скотоводства. Мы специально подчеркнули, что «общие закономерности возникновения и становления различных форм хозяйства определены также способом производства»¹⁸. Отведение же в комплексе способа производства одной из основных ролей зональности как хозяйственно-географическому фактору, не означает, что зональность мы считаем ведущим, тем более решающим критерием.

Что касается терминологии, то из названий указанных выше типов и подтипов скотоводства термины «кочевой» и «полукочевой» не вызывают у нас возражений. Термины же «оседлое», «полуоседлое» и «подвижное» скотоводство требуют некоторого уточнения. До недавнего времени в специальной литературе понятиям «кочевое» и «полукочевое» противопоставлялись понятия «оседлое» и «полуоседлое» скотоводство. Под последним традиционно подразумевалось такое хозяйство оседлого населения, в котором исключались сезонное перемещение и миграции населения, хотя скотоводство носило более или менее подвижный характер, а иногда даже круглый год было оторвано от постоянных оседлых поселений. Возможно, исходя из этих специфических особенностей, Г. Е. Марков называет этот тип скотоводства термином — «подвижное скотоводство», который употреблялся им и ранее¹⁹.

Какой же конкретно тип скотоводства подразумевает Г. Е. Марков под этим термином? К сожалению, в его статье не дается общая дефиниция этого типа скотоводства. Отмечено только, что в отличие от «кочевого скотоводства», или «кочевничества», мы имеем налицо другой тип скотоводства, при котором скотоводческое хозяйство составляет лишь одну из более или менее важных отраслей хозяйства, и его можно назвать предложенным ранее термином «подвижное скотоводство» (с. 84). Кстати, ранее этим термином Г. Е. Марков обозначал скорее не типологическое, а стадиальное явление. В частности, он употреблял термин «подвижное скотоводство» в связи с «ранними кочевниками», т. е. для начальных этапов возникновения и генезиса кочевничества. «Представляется необходимым и возможным, — писал Г. Е. Марков, — выделение среди „ранних кочевников“ собственно кочевников, очень напоминающих позднейших развитых кочевников и „подвижных скотоводов“, т. е. „временных“ кочевников, сохранявших в быту и культуре традиции полуоседлого и оседлого быта»²⁰.

Однако в этнографической действительности Кавказа такое явление вообще не отмечается. Кавказ не был очагом кочевничества и тем более ареной деятельности «ранних кочевников». В местном археологическом материале не выявлено так называемого «цепного процесса»²¹, культурные слои дают свидетельства об оседлом образе жизни и соответствующих формах хозяйства, в том числе и скотоводстве. Поэтому понятие «подвижное скотоводство» находится в известном противоречии со скотоводческим хозяйством Грузии и Кавказа, оно совершенно не соответствует таким формам скотоводства, как оседлое, так называемое «стационарное», а также равнинное «подсобное», горное «внутриальпийское» и т. д., при которых исключается большая или меньшая подвижность скотоводческого хозяйства. Исходя из этих со-

¹⁸ Шамиладзе В. М. Указ. раб., с. 58—59.

¹⁹ Марков Г. Е. Кочевники Азии. М.: Наука, 1976, с. 280—281.

²⁰ Там же, с. 281.

²¹ Там же, с. 279—280.

ображений для обозначения второго, принципиально отличного от кочевничества типа скотоводства, нам кажется, целесообразнее оставить в силе традиционный термин — тип «оседлое скотоводство» с подтипом «полуоседлое скотоводство».

Необходимо унифицировать также названия ряда конкретных форм скотоводства. Б. Х. Кармышева, в отличие от Г. Е. Маркова, выступает против таких введенных нами терминов, как «горное скотоводство», «равнинное скотоводство» и т. д., считая, что ими подчеркивается зональная сущность этих форм скотоводства. Здесь, конечно, нельзя согласиться с Б. Х. Кармышевой. Как известно, тот или иной термин часто носит условный характер и может не отражать главный аспект явления. В данном случае термины «горное», «альпийское», «равнинное» и т. д., не являясь сугубо условными, только частично отражают один из основных критериев соответствующих форм скотоводства — зональность. Кроме того, при выборе тех или иных терминов, в частности, терминов «горное», «альпийское», «равнинное», «трансюманс» и др., мы учитываем степень их практического использования и распространения в общей и специальной литературе, тем более, что при условии широкой международной координации и интеграции различных научных дисциплин нет смысла в чрезмерной разобщенности и дробности терминологии скотоводства. Нам представляется, что нет принципиального различия между употребленным нами термином «подсобное скотоводство» и предлагаемым Б. Х. Кармышевой термином «придомное скотоводство». Вряд ли целесообразно заменять термин «экстенсивно-шалашное хозяйство» названием «стойлово-выгонно-отгонное скотоводство». По-видимому, нет основания и для возвращения к изжитому еще в до-революционной литературе термину «яйлажное скотоводство», тем более, что он по смыслу является прямым синонимом термина «горное»//«альпийское» скотоводство²².

Итак, в статье Г. Е. Маркова, а также в рецензии Б. Х. Кармышевой освещены важные вопросы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства — его основных типов, форм, видов и подвидов. Можно не сомневаться, что по обсуждаемой проблеме будет еще высказано немало интересных соображений. Несмотря на недостаточную изученность ряда вопросов, достигнутые результаты уже позволяют ввести в широкий научный оборот некоторые главнейшие понятия и термины скотоводства и кочевничества.

²² *Шамиладзе В. М.* К термину «горное скотоводство». — В кн.: Вопросы быта и культуры населения Аджарии. Тбилиси: Мецниереба, 1967, с. 84—85 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).